

Ильшат Гареев
Седьмая рота

Ильшат Гареев

Седьмая рота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412870

ISBN 9785449034700

Аннотация

Данная книга написана мной как воспоминание о своей армейской, вполне себе боевой, молодости. Давно хотелось рассказать людям о 7-й роте обычного 506 МСП лета 1996 года. В нашей литературе и кинофильмах не принято считать обычную пехоту «крутой». Я же был свидетелем высочайшей степени мужества и отваги простых российских мальчишек-мотострелков. Как начал писать про 7-ю роту, уже не смог удержаться и избежать давления на меня «музы», потому и книга получилась больше, чем просто про седьмую роту.

Содержание

Предисловие	5
Седьмая рота	14
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Седьмая рота

Ильшат Гареев

© Ильшат Гареев, 2018

ISBN 978-5-4490-3470-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Здравствуйтесь уважаемый читатель, наверное у Вас возник вопрос почему моя книга имеет общее название " 7 рота»? Прочитав её до конца вы конечно же согласитесь с тем, что какое либо другое название сложно предложить. Есть книги и фильмы про героизм шестой и девятой рот разных частей ВДВ произошедшие в разное время и в разных войнах. Так получилось в моей судьбе что полугодовая командировка летом 1996 года в состав 7 мотострелковой роты 506 мотострелкового полка дислоцированного тогда в Веденском районе Чечни, ознаменовалась самыми горячими боями, самыми яркими впечатлениями и можно сказать незабываемыми приключениями. Более двадцати лет я носил эти воспоминания в памяти, изредка в хорошей компании и в хорошем настроении рассказывал друзьям и родственникам некоторые особо приключенческие моменты своей военной биографии. Видимо пришло время написать и опубликовать то что помню, чтобы знали другие. Чтобы люди знали, что была такая седьмая мотострелковая рота обычного 506 мотострелкового полка образца 1996 года и служили в ней простые российские парни способные на непростые поступки. Что был такой 81 МСП героически сражавшийся в Грозном под командованием замполита полка Игоря Станкевича и командира 4 МСР капитана Яровицкого. Что бы-

ли в 160 ТП честные и мужественные офицеры такие как майор Саракотяга, подполковники Фёдоров, Биленко и героические комбаты Фролочкин и Разуманян, а ещё был нач. мед нашего батальона Саша Амосов, после двух ранений отказывавшийся от реабилитационного отпуска и возвращавшийся напрямую из госпиталей в наш воюющий батальон. Я стараюсь приподнести свои воспоминания именно как интересное приключение, а не трагедию в стиле – «Там стреляли!«Кровь, кишки!«Страшно!». Все описанные в книге события написаны мною лично от первого лица именно так как я их помню и понимаю. За прошедшие годы что то забыто, но в целом книгу можно характеризовать как документальную. Не будучи писателем или фантазёром, имея по русскому языку и литературе в школьном дипломе оценки «три» я лишь изредка позволял себе дописать художественно творческие абзацы и поделится с читателем своими мыслями, эмоциями, чувствами и переживаниями. Также изредка я позволил себе дать оценки некоторым ярким и трагическим событиям. Мои размышления и оценки являются моим частным мнением и не обязательно совпадают с мнениями моих командиров, друзей и сослуживцев. Вот так уж случилось в моей армейской судьбе, что я был участником многих, пожалуй самых ярких событий первой и второй Чеченской компаний. В первой компании в составе героических 81 Самарского МСП и 506 Тоцкого МСП, во второй в составе 160 Будановского ТП и Грозненской (сельской) военной ко-

мендатуры. Пока я служил в ВС РФ и по сей день я не встречал офицера, прапорщика или солдата участвовавшего в таком количестве знаменательных и ярких событий обеих Чеченских компаний и потому полагаю я честно «навоевал» себе право на некоторые оценочные суждения. Уверен есть и более «бывалые вояки», но я таких не знаю, не встречал. Мои сослуживцы по Грозненской сельской военной комендатуре в 2002 году говорили -" Ильшат, ты же всю Чечню знаешь как свою родную. Тебе можно гидом работать. Гидом по местам боевой славы ВС РФ в Чечне. «И правда в поездках по территории Чечни я частенько рассказывал сослуживцам -«вот на этом перекрёстке мы стояли блок постом», «по этой дороге мы ездили...", " вот здесь боевики устроили засаду и уничтожили колонну...» и т. п. Положа руку на сердце скажу – я свою родную Башкирию тогда не знал так хорошо как Чеченские дороги и населённые пункты.

присяга 10 сентября 1989года Казань КВТККУ

На стрельбах в Тоцком третий курс КВТККУ

в Т-80

Самара по пути в Тоцкое 4 курс

комбат полковник Тимуца вручает «путёвку в жизнь» – диплом о окончании КВТККУ.

Выпуск: молодые лейтенанты июнь 1993 года.

Седьмая рота

Чечня 1. 81 МСП, РМО

Если бы мне, выпускнику Казанского Высшего танкового командного училища образца 1993 года, кто-то сказал, что в моей военной судьбе основную часть моего офицерского послужного списка составят должности заместителей командиров по воспитательной работе (по-старому замполитов), я бы сильно удивился и не поверил в такое пророчество. Ходила тогда такая шутка про танкистов Советской армии: «Повезло нам, танкисты мы! Весь мир увидим!». А про замполитов (по-новому заместителей по воспитательной работе) говорили так: «За всё душой болеют, но не за что не отвечают!», «Рот открыл – рабочий день начал, рот закрыл – рабочее место убрано!» Был и такой анекдот: „В бою у солдата кончились патроны. На вопрос замполита «Почему не стреляешь, боец?», тот ответил: «Нечем, патроны закончились!» Замполит ему и говорит «Но ты же коммунист! – и пулемёт застрочил с новой силой!». Так что становиться героем анекдотов я не планировал. Но та цепь случайностей и закономерностей, называемая судьбой, так распорядилась, что я исключительно случайно нашёл своё офицерское призвание именно как заместитель командира по воспитательной работе. Если для краткости буду писать «замполит», то прошу

«понять и простить», это не ошибка. Тем более, что в строевых частях, так по старинке и называют «замполитами» – заместителей командиров по воспитательной работе.

Конечно, как и положено выпускнику КВТККУ с формулировкой в графе специальность - " командная тактическая танковых войск», я служил командиром танкового взвода 81 МСП, 90-ой танковой дивизии, дислоцированной в посёлке Рошинский Самарской области в простонародии Черноречье. Но был я командиром не простого танкового взвода Т-80, а третьего, значит учебного взвода отдельной танковой роты 81 мотострелкового полка. А это в свою очередь значит, что у меня было даже не три танка, как у командиров танковых взводов в танковых полках, а четыре. 90-ая танковая дивизия второй танковой армии была одной из тех, что вывезли из ГДР выбросили в чистое поле. В утешение и успокоение бездомным офицерам рядом с частью строился замечательный военный городок. Строила городок Турецкая фирма, на немецкие деньги. Но не в этом суть. Не буду плакаться и вспоминать про невыплаты зарплат по 3—4 месяца, про полное отсутствие жилья и т.п., мелочи, свойственные тогда всей молодой, ужасно демократической и голодной Ельцинской России.

81 ГВАРДСКИЙ МОТОСТРЕЛКОВЫЙ
ПЕТРОВСКИЙ ДВАЖДЫ
КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ОРДЕНОВ СУВОРОВА
КУТУЗОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ПОЛК

отдельная танковая рота 81 МСП 1994 год.

Служил я: когда старательно, когда откровенно «забывательно», но в наряды и на разводы ходил исправно, солдат своих не бросал, контролировал, обучал и воспитывал. Занятия по огневой, тактической, вождению и всем остальным предметам воинского профессионального обучения проводил согласно расписания занятий. В общем был обычным лейтенантом тех лет, лоботрясничал и отлынивал где можно, но не «заплывал за буйки». Лишнего себе не позволял, по причине природной, генетической совестливости.

В общем, всё шло своим чередом. В очередном отпуске, в который я поехал на малую родину с молодой, беремен-

ной женой, я решил, что не нужна мне квартира в новом и замечательном военном городке, не нужны погоны, звания и льготы. Ничего не надо от министерства обороны, но только увольте меня «по добру по здорову», отпустите «птицу из клетки», а то «клевать» совсем нечего, перспектива голодной и геройской смерти с погонами ВС РФ меня совсем не прельщает. Одной мечтой, запомнившейся как основная в те годы службы, были планы о том, как после увольнения я приеду домой, буду разводить свиней в подсобном хозяйстве и есть мясо досыта. Я представлял себе полную сковородку жареного парного мяса только что заколотого поросёнка. От постоянного недоедания всегда хотелось нормально поесть.

По возвращению из отпуска написал пять рапортов на увольнение. Но в те годы у меня был обязательный пятилетний контракт с МО и мои рапорта, СПНШ (нач. кадров) полка майор Сергей Михайлов, просто напросто, ложил как в копилку в моё личное дело. Уволится можно было только по негативной статье» нарушение условий контракта», но «пачкать» трудовую биографию не хотелось.

Вот с таким вот настроением, без особого желания, но с полной уверенностью и надеждой на скорейшую «свободу», я дослужил первые полтора лейтенантских года. Подошёл декабрь месяц 1994 года ознаменовавшийся в Новой истории России началом первой Чеченской компании. Тогда настроение на увольнение у меня только усилилось. В нача-

ле декабря 1994 года вечно пьяный мозг тогдашнего Президента Ельцина изродил указ» о наведении конституционного порядка в Чечне». Наш 81 полк числился в ряду полков «мобильных сил» ВС РФ и потому в полк поступил приказ – «Погрузится на эшелоны и убыть в Моздок для подготовки к «боевому применению». Что мы там будем делать никто толком не знал. Самым страшным предположением было то, что придётся драться на кулаках с местным Чеченским населением, выполняя задачи милиции. О том, что придётся реально воевать, да ещё и погибать никто и в страшном сне предположить не мог. Никто не хотел умирать, никто не хотел убивать. Генералы и полковники так и говорили «шапками закидаем», поугаем и вскоре вернёмся домой. По каким то, известным только Аллаху и высшему военному руководству причинам, нашу, отдельную танковую роту «на юга» командование решило не брать. Усилили наш полк танковым батальоном,, соседнего 68 танкового полка, нашей же дивизии.

В том же начале, того же декабря, в полку началась суетная, как всегда авральная, подготовка к «военному походу». Я в очередной раз пошёл в штаб полка к майору Михайлову, чтобы справиться о продвижении вопроса моего увольнения. Он ответил -«пока не до твоего увольнения, вашу роту всё равно не берут, так что останешься на «хозяйстве» и пока мы катаемся, глядишь и уволишься». Согласившись с ним, прекрасно понимая, что ему и впрямь не до моего увольне-

ния, я пошёл к выходу. Но на выходе из кабинета, он меня остановил и спросил предложив – «Ильшат, ты в принципе толковый и профессиональный офицер, что ты в самом деле будешь тут скучать, казармы охранять? Сейчас нам офицеров для укомплектования полка не хватает. Не хочешь ли поехать «на юга»? Осталась вакантная должность заместителя командира роты материального обеспечения по воспитательной работе. И сразу же хитро развил свою мысль – «Ты же «на гражданке» вроде как в милицию собираешься, устраиваться? У тебя же отец милиционер? А там, думаю, тебе не помешает отметка в личном деле о том, что ты был в «горячей точке». Я конечно, сразу же отказался, импульсивно решив, что такое предложение меня почти оскорбляет. Как это так, меня командника, замполитом? Меня танкиста в РМО? Но спустившись на улицу, подумал, «что я буду всю зиму скучать здесь в пустых казармах, да и отметка о «участии» и правда лишней не будет. Рота материального обеспечения она так только называется. По сути это автомобильная рота полка, а знание авто техники и на гражданке мне может пригодится. Я же по диплому инженер по эксплуатации бронетанковой и колёсной техники, а вдруг в ГАИ на службу попаду. Вдохнув на улице свежего, морозного Самарского воздуха, я развернулся, поднялся в штаб полка и спросил майора Михайлова – «Товарищ майор. Неужели нет ни одного «ваканта» командира танкового взвода или зама по вооружению танковой роты?» Он сказал – «Понимаю твоё танкист-

ское рвение, но все танковые вакансии заполнены». Но раз уж я показал своё согласие и заинтересованность «югами» то отступить было некуда, вышло бы как то не по офицерски. Пришлось дать свое согласие на непонятную мне должность заместителя командира РМО по воспитательной работе. Вот так, методом «случайного тыка» майора Михайлова я стал «замполитом». Ох, знал бы я тогда, насколько она будет горячей, эта «грёбаная точка»! Ох, знал бы я тогда, какое это «материальное обеспечение». Ай, да всё равно поехал бы, любил я авантюры, приключения и опасности ещё с училища. Помню перед выпуском из КВТККУ, мы завтрашние лейтенанты я и трое моих друзей ходили к начальнику училища с прошением о том, чтобы нас по выпуску распределили в Таджикистан, в 201 МСД. Что уж тут сказать – имели в наших головах своё место «удаль молодецкая», желание по-настоящему, «по боевому» послужить в воюющей дивизии. Видимо с лейтенантских пор хотелось иметь право сказать – «я настоящий Русский офицер». А то что среди нашей дружной четверки я татарин, двое русских и один чуваш, это было несущественно. «Русский офицер» – это образ мышления и мировоззрение а не национальность.

Прибыв в роту, я познакомился с командиром роты, капитаном Андреем Рязанцевым. Ему было уже 33 года, к нам в полк он недавно перевёлся из Забайкалья. По службе он не рос, т. к. с его слов, не хотел уходить из очень хорошего коллектива в котором там, в Забайкалье, на границе с Кита-

ем служил. А служил он там, в какой-то закопанной в землю и забетонированной по перескоп, пулемётно-артиллерийской дивизии. Хотя в последующем я стал, в 30 лет подполковником, но Андрей был выше меня на две головы как профессионал и это я признаю и считаю его одним из моих основных учителей наставников. Мой новый ротный Андрей был отличным офицером, строгий и исполнительный, очень толковый, грамотный и начитанный офицер, равнодушный к спиртному. Просто отличный офицер и командир. Как у такого хорошего офицера карьера не задалась, это и сейчас для меня загадка. С минуты назначения в РМО я уже не сидел, не спал и не ел, я просто «летал как электровеник». Перед погрузкой и отправкой надо было решить миллион вопросов. Получить на солдат обмундирование, бронежилеты, оружие, боеприпасы и т. п. бегодня и срочная суета. Техник роты прапорщик Серёга Загумённый, командиры взводов прапорщики Юра Бессонов и Борис Бедарев из сил выбивались заводя в в парке в 25 градусный мороз автомобильную технику простоявшую пару лет под открытым небом. Солдат понабрали откуда смогли. Если до отправки в роту было 15 солдат, то укомплектованная, хоть и по штату мирного времени, рота стала 47 человек. А кто же из командиров, передаст в другое подразделение наиболее толковых солдат? Нормальный командир не отдаст. Отдадут, как правило, в первую очередь нарушителей воинской дисциплины, во вторую, бестолковых в принципе, а уж толковых, послуш-

ных и трудолюбивых врят ли.

На железнодорожные эшелоны грузились на станции Кряж в лютый мороз под минус 25—30. Солдаты замучались прикручивать проволоку закрепляя машины на железнодорожных платформах.

Офицеры танкисты рассказывали, что прямо на погрузочную площадку, из Тоцка, привезли пластид для закладки в контейнеры-коробочки динамической защиты танков Т-80. Но тут откуда то, появился наш комдив, генерал Сурядный и приказал не грузить «эту чепуху» « не тратьте зря время» т.к. никакого серьёзного сопротивления со стороны Чеченцев не будет «шапками закидаете!». Так и уехали машины обратно в Тоцкое. Если бы тогда знали, какую чудовищную ошибку совершает наш, хоть и не любимый не кем, но всё же комдив. Сколько танков, да и танкистов этот пластид спас бы от РПГ, сейчас можно только гадать?

Прибыли мы в Моздок, разгрузились. Где то в районе местного аэродрома поставили палатки. Мотострелки, несколько дней проводили боевое слаживание, ездили на стрельбы, вождение. Мы обслуживали и готовили автомобильную технику своей роты. Мне в те дни впервые за свою короткую службу довелось начевать в 30 местной палатке зимой. С непривычки, зимние полевые условия казались мне каким то нескончаемым кошмаром. До Моздока я таким опытом не обладал и слабо себе представлял каким образом можно выживать в тряпочной палатке в мороз. Сей-

час я понимаю, что командир полка, полковник Ярославцев и зампотыл подполковник Волчков со своими подчинёнными, все организовали грамотно и толково, как это и принято в полевых условиях и ПХД полка (пункт хозяйственного довольствия) был развернут и полевая баня, столовая, медпункт. Только снежная, слякотная, сырая и промозглая погода и грязь, делали условия существования очень гадкими, трудно терпимыми.

29 декабря 1994 года, поступил приказ «строить технику в четыре колонны, а утром, 30 числа, совершить марш на территорию Чечни и прибыть в назначенный командованием группировки район». Утром 30 декабря наши колонны втянулись в город Моздок. По пути наши танки и другая бронетехника царапали, а иногда и прилично задевали, мяли автомобили горожан и гостей Моздока. Дойдя растянувшейся на километры и частично растерявшейся по пути колонной до Терского Хребта, полк стал лагерем перед перевалом. В тот первый, маршевый день сопротивления противника не встречалось. Ночь прошла мирно, а на утро, т.е. 31 декабря 1994 года полк, перевалив через Терский хребет, двинулся на «Грозный».

При подходе к городу 31 декабря 1994 года, нашей роте предстояло не въезжая в город стать лагерем. Нам предстояло расположиться в одной из лесопосадок метрах в пятистах от взлетно посадочной полосы, заняв оборону у аэропорта «Грозный Северный». Рядом с нами остались наши артил-

леристы, мед. сан. бат, ремрота, штаб с канцелярией, склады. К вечеру 31 декабря позиции роты, капониры для машин места расположения личного состава были готовы. Всё это «хозяйство» называлось ТПУ полка (тыловой пункт управления). Командир нашей роты капитан Рязанцев, организовал несение боевого дежурства, определил места несения службы караульными, порядок смены, пароль. Отработали сценарии действий личного состава при неожиданном нападении на роту. Распределили солдат по конкретным позициям в траншее, вырытой полковой «землеройкой». Безопасность личного состава повышалась за счёт того, что палатки установили в ямах глубиной два метра.

Боевые подразделения полка, а именно разведывательная рота оба мотострелковых и танковый батальоны, саперная рота, рота связи, хим. взвод, имели задачи по захвату с ходу аэропорта Грозный Северный, железнодорожного вокзала и конкретных административных зданий в центре города.

В те часы 31 декабря 1994 года, пока мы располагались и окапывались на ТПУ близ аэропорта у боевых подразделений нашего полка вошедших в городские кварталы был самый настоящий ад. Мы видели в просматриваемых с нашей высоты городских кварталах разрывы, огонь, дым, слышали страшную стрельбу и всё же не представляли себе насколько там тяжелая ситуация, какие тяжелые бои идут в нескольких километрах от нас. Из того, что я помню, это то, что после обеда 31 числа в городе начались бои. Начали разда-

ваться взрывы, безостановочно сверкали трассеры. Некоторые места города со стороны выглядел как горящий склад пиротехники. Наш ТПУ был на возвышенности и потому, бои проходившие в Грозном мы наблюдали в режиме онлайн, по сути как в кино но издалека.

Новый 1995 год я встретил странно одновременно и незабываемо, как никогда до этого не встречал. Видимо вечером заснув у себя в палатке, я проснулся от сильнейшей стрельбы. С просоня я естественно и логично решил-«На нас напали!» Накинув бронежилет, схватив автомат, матеря темноту и, скользкие ступеньки я выбежал из палатки «отражать нападение» противника. Но всё оказалось иначе, чем я предположил. Все и везде вокруг стреляли, трассерами, ракетницами, не жалели патронов. Встречали, новый 1995 год. В Грозном творилось тоже самое, со всех концов города в воздух поднимались струйки трассеров, палили ракетницы, взрывалось всё, что могло взрываться. До конца проснувшись, найдя ротного и поняв, что на нас никто не напал мы снова с печалью в голосе задумались и попричитали на тему» где наш техник роты, прапор Загуменный со своей МТОшкой, в которой хранился весь мой «замполитовский боезапас» Нового года, состоящий из четырёх бутылок Самарской и очень хорошей водки «Родник»! Где он этот прапор-злостный?» В общем, поняв, что Сергёга Загумённый до сих пор к нам не приехал и потерялся в пути мы с ротным, поздравили наших солдат и друг друга, проверили постовых и просто по-

шли спать. На тот новый год, из-за прапорщика Загуменно-го отставшего от колонны, мой праздничный стол был обозначен тем, что я съел кусок колбасы, запил её банкой сгущенки и отдежурив свою смену ночного дежурства лёг спать в надежде проснутся живым в первый день наступившего 1995 года.

Я в те дни не был в цепи нашей полковой пехоты, потому не буду рассказывать от своего имени про бои в Грозном пересказывая рассказы друзей и сослуживцев. Про те бои фильмы сняты и видеоролики есть в сети интернет. У РМО были другие задачи, которые также, кто то должен выполнять хорошо и старательно, для того чтобы у ведущих бои подразделений были боеприпасы, ГСМ, вода, еда, медикаменты. Кто то и на войне должен думать о своевременном завтраке и сытном обеде солдат, вывозе раненых в госпиталь, бане, военной амуниции и медобеспечении. Самое главное, чтобы это всё доставлялось силами РМО полка и ВМО батальонов своевременно и в положенном количестве.

1 января, из города вывезли первых погибших 31 декабря. Их, тел «двухсотых» было так много, что аккуратно разместить в один ряд в кузове УРАЛа не получалось. Уложили погибших в два-три слоя в три грузовика и меня назначили старшим этой траурной колонны. Везти Груз -200 надо было в село Толстой Юрт на полевой вертолётный аэродром, где погибших тут же перегружали в вертолёты и переправляли в Моздок.

Мой водитель, срочник Женя, поначалу боялся садиться в машину с полным кузовом Груз -200, но потом «преододел себя» и мы поехали. Мне конечно было крайне тяжело и неприятно осознавать, что везём мы полный кузов военного Урала до бортов не продукты или запчасти а мёртвые тела наших погибших сослуживцев. Доехали мы благополучно, в засады не попадали и на минах не подрывались. Незабываемо врезался в память такой момент: При перегрузке очередного тела из грузовика на борт вертолётa МИ-24 лейтенанта мотострелка Димы Иванова,, я взял его за бушлат на груди, Женя за ноги. В тот момент когда находясь в вертолётe я оказался близко к лицу к лицу с Димой, Димины легкие сжались и мертвое тело выдохнуло мне в лицо. Наши лица были на расстоянии 20—30 сантиметров и этот «выдох смерти» перевернул моё мышление. Вероятно до этого мига я ещё не до конца осознавал суть происходящего, а просто механически как робот, исполнял свои обязанности, то с той секунды я резко и ясно понял, что я могу в любую секунду сделать « свой последний выдох» и полететь следующим вертолётom.

Не скрою, немного обидно, что про 131 Майкопскую бригаду все знают и фильм «Чистилище» про них снят. А про наш 81 полк, воевавший с ними плечом к плечу, входивший по параллельным улицам в Грозный и сделавший в Грозном не меньше Майкопцев, толком никто и не знает и не слышал. Мало кто знает про нашего замечательного замполита полка героя России, полковника Станкевича 1 января 1995 года принявшего на себя командование полком после тяжелого ранения командира полка полковника Ярославцева и нач. штаба полка Бурлакова. Меня там не было, вот как описаны те дни в печати :

«Сводный отряд 81-го МСП, сформированный из подразделений, оставшихся за пределами «вокзального» кольца,

сумел закрепиться на перекрестке улиц Богдана Хмельницкого и Маяковского. Командование отрядом принял на себя заместитель командира полка подполковник Игорь Станкевич. Двое суток его группа, находясь в полуокружении, оставаясь фактически на голом и простреливаемом насквозь месте – перекрестке двух главных городских улиц, удерживала этот стратегически важный участок.

Станкевич грамотно разместил 9 БМП, организовал «привязку» огня приданных минометчиков по наиболее угрожающим участкам. При организации обороны были приняты нестандартные меры. С окрестных грозненских дворов сняли стальные ворота и прикрыли ими боевые машины по бокам и спереди. «Ноу-хау» оказалось удачным: выстрел РПГ «проскальзывал» по листу металла, не задевая машину. Люди после кровавой новогодней ночи постепенно начали приходить в себя. В отряд постепенно стягивались вырвавшиеся из окружения бойцы. Обустраивались как могли, организовывали отдых в перерыве между атаками противника.

Ни 31 декабря, ни 1 января, ни в последующие дни 81-й полк не покинул города, оставался на передовой и продолжал участвовать в боевых действиях. Бои в Грозном вели отряд Игоря Станкевича, а также 4-я мотострелковая рота капитана Яровицкого, которая находилась в больничном комплексе. Первые двое суток в центре Грозного других организованных сил фактически не было. Была еще одна

небольшая группа от штаба генерала Рохлина, она держалась неподалеку. Если бы бандиты точно знали это, они наверняка бросили бы все свои резервы, чтобы раздавить горстку смельчаков. Бандиты уничтожили бы их так же, как и те подразделения, что оказались в огненном кольце в районе вокзала. Но отряд не собирался сдаваться на милость врагу. Были оперативно зачищены окрестные дворы, ликвидированы возможные позиции вражеских гранатометчиков. Здесь же мотострелки начали открывать для себя жестокую правду о том, что в действительности представлял из себя город, в который они вошли. Так, в кирпичных заборах и стенах большинства домов на перекрестке Хмельницкого-Маяковского были обнаружены оборудованные проемы, возле которых были складированы выстрелы к гранатометам. Во дворах стояли заботливо подготовленные бутылки с «коктейлями Молотова» – зажигательной смесью. А в одном из гаражей были найдены десятки пустых ящиков из-под гранатометных выстрелов: здесь, видимо, находился один из пунктов снабжения. Уже 3 января начали выставлять блокпосты вдоль улицы Лермонтова во взаимодействии с бойцами спецназа МВД. Посты позволяли хотя бы проскочить по улице Лермонтова, иначе всё расстреливалось на ходу. Полк выжил. Выжил вопреки тем, кто пытался его уничтожить в Грозном. Восстал из пепла назло тем, кто в это время заочно «хоронил» и его, и другие оказавшиеся в эпицентре грозненских сражений российские части».

Вспоминаю сейчас полковую песню, которую мы исполняли на плацу всем полком в мирной жизни когда казалось, что главное это красиво промаршировать и спеть песню – « Гвардейский восемьдесят первый полк – овеян гордостью и славой! Пять орденов на знамени твоём – сияют родины награды!». «При исполнении песни рот открывать на ширину приклада!» – это говорил уже следующий, за Ярославцевым, командир полка полковник Айдаров. Он был в период новогоднего штурма в Грозном заместителем командира полка. Не знаю почему не он, первый зам, а именно замполит полка подполковник Станкевич, первый месяц 1995 года был фактическим командиром полка. Мы так все и считали, что подполковник Станкевич теперь будет командиром полка. Замечу специально для тех кто пытается пренебрежительно отнестись к работе замов. по воспитательной работе (замполитам), не первые замы командира 81 полка, а замполит полка Герой России. Замполит полка полковник Станкевич оказался именно тем человеком, кто смог собрать под своё командование разрозненные, разбегающиеся подразделения и одиночных запаниковавших, испуганных солдат. Он сформировал сводный отряд, организовал оборону и приступил к расширению территории контролируемой его отрядом. Про таких говорят -офицер с большой буквы, я до сих пор горд тем, что мне посчастливилось служить с таким человеком и учиться у него.

Точно сейчас не вспомню, какого числа января, вырвав-

шлись ненадолго из города, к нам на наши «тыловые» позиции ТПУ, «верхом» на БМП приехал полковник Станкевич. Я тогда его спросил – «Товарищ полковник, я же замполит непрофессиональный, я окончил танковое командное училище и мне до не до конца ясны мои задачи в нашей теперешней боевой обстановке. Какие мои особые обязанности как зама по воспитательной? Проводить ли мне воспитательно-душещипательные беседы с солдатами о «любви к Родине и патриотизме»? На основании каких материалов и где их взять в нашей сложной ситуации? Чем мне в соответствии с обязанностями конкретно замполита, именно по воспитательной линии заниматься? Он мне ответил – «Твой ротный тебя как зама по воспитательной ценит и твоей работой доволен, похоже ты «человек и офицер на своём месте». Значит, со своими задачами как его зам по воспитательной, справляешься. По сути, ты просто ещё один офицер в роте, ты заместитель командира т.е. его правая рука, выполняйте все задачи дружно и сообща с командиром роты, если с ним, что случится то ты возьмёшь знамя из его рук и понесёшь в том же направлении».

Перед моим отъездом в Чечню, жена осталась у моей матери. Никто кроме моих Самарских друзей-сослуживцев не знал, что я убыл в Чечню. Уезжая с полком, я не давал телеграмм в письмах не писал, не звонил (мобильников тогда ещё не было в природе). Я договорился с другом, оставшимся в военном городке в Самаре, что буду присылать письма

ему, а он переложит в новый конверт и перешлёт моей жене или матери. Решение было правильным, жене не стоило расстраиваться в связи с тем, что в то время она была кормящей матерью нашего двухмесячного сына. Всего два месяца назад, в октябре у нас родился первый сын. Все мои письма из Чечни начинались примерно так – «Здравствуйте дорогие любимые женушка и сынулька. Ты не представляешь, как я по тебе и сыну скучаю. К этой скуке, ещё большей скукоты добавляет скучная, комнатная служба. Сижу целыми днями в канцелярии, щёлкаю линейкой мух, в общем маюсь от безделья...» Обратные письма шли таким же путём. Но примерно в феврале я сглупил, решив ускорить обмен письмами и написал такие строки «Женушка, меня временно перевели в другую часть и поэтому присылай письма по адресу – 103400, Москва- 400, в/ч 65349..... Тут они и догадались т.к во всех газетах тех дней крупными буквами были написаны индекс и Москва-400 и ужасы про те части, что находятся по этому адресу полевой почты. Про наш 81 полк писали, что осталось не больше роты и т. п. В общем я серьёзно лопухнулся и перепугал мать и жену. Но их испуг длился недолго, нас уже в середине апреля 1995 года вывели из Чечни так, что я им быстро перезвонил из Самары и успокоил.

Уходя в сторону, отмечу, что многие гражданские «комнатные воины», «киборги диванные» не понимают как непросто на войне солдату повару или водителю. Основная часть, тех кто «пороха не нюхал» кричит, что (повар) тыло-

вой, прятался за кухней и т. п. Но никто из подобных «критиков», не пробовал, вставая в пять часов утра в мороз, снег, вьюгу или грязь, наколоть дрова для полевой кухни, растопить печь походной кухни. Не пробовал наносить воды, на-чистить картошки, моркови, лука в армейскую полевую кухню на пару сотен порций. При том, чтобы завтрак и зимой или под дождём был готов к семи ноль- ноль и не позже! Никто из этих «критиканов» не делал этого после несения, ночной службы часовым по охране ПХД (пункт хозяйственного довольствия) полка. Это лишь тем, кто не воевал, кажется, что пацаны, военные повара, «тыловые крысы» не вносили своей прямой лепты в победу. На самом деле на них ложится такая физическая и моральная нагрузка, что и не каждый «боевой солдат» выдержит. Если на гражданке говорят «как полопаешь – так и потопаешь!», то там эти слова обретают тройное значение и потому любой «военный повар, военный водитель, военный ремонтник вызывает у меня гораздо больше уважения чем любой самый крутой и подготовленный спецназёр не «нюхавший» пороха и не испытывавший «военно окопной жизни». А сколько водителей погибало при нападении боевиков на колонны? Даже не стоит искать ответ на вопрос-«кто на марше в колонне, чувствует себя защищённее и увереннее, механик -водитель танка за бронёй танка или водитель автомобиля в жестяной кабинке простреливаемой насквозь из пистолета?!»

Основную часть января 1995 года, я с сержантом Эду-

ардом Киргизовым, львиную долю дня и как правило ночи занимался тем, что обеспечивал полк водой, а с водителем Евгением на бортовом Урале, тем что вывозил раненых и погибших на вертолётный полевой аэродром в Толстой — Юрт. Ежедневно ездил на водовозке ЗИЛ-131 и грузовиках Урал, через Терский хребет, то в Толстой Юрт, то в какую то Кумыкскую деревню, то в Червлёную. В общем как пишут на сайтах о вакансиях на трудоустройство – «характер работы разъездной, в дружном сплоченном коллективе. Питание, проживание и проезд к месту работы за счёт работодателя, командировочные оплачиваются», саркастически добавлю «тем работникам, что доживут до майора, оркестр от работодателя бесплатно при погребении»

Каждое утро при переезде горными дорогами через Терский хребет, мы наблюдали завораживающую и неопишемую словами картину- « Мы едем по самой макушке хребта, с восточной стороны гор чуть выглядывает утреннее солнце. В центре чаши образованной хребтами город Грозный, но его не видно он покрыт густым туманом словно накрыт белым одеялом. Под нами, туман ровной гладью от нашего хребта до противоположного. Мы на горной дороге едем выше тумана, а из центра этого тумана поднимается, густой и чёрный столб дыма диаметром в сотни метров – это горит Грозный. Горит всё: дома, бронетехника, люди и животные. Иногда, по ночам на самой дороге, туман был настолько плотным, что мы не видели капота собственного ЗИ-

Ла! Тогда я опускал пассажирское стекло, высовывал голову и по тонкому боковому отсвету от фары освещающему обочину, край дороги или обрыв, руководил действиями водителя Эдика подавая команды «прямо»«правее», «левее»«тормози». Конечно в таких условиях скорость наша была 3—4 километра в час не больше. Это сейчас я могу легко и без последствий спутать, где право, а где лево, но тогда 23 года назад на горной дороге, видимо не разу не оговорился, а то бы сейчас не писал этих строк. Наверно, со стороны наш одинокий ЗИЛ водовоз едущий по самой макушке горы, тоже выглядел достаточно интересно.

Многие воинские части отправляли свои водовозки под прикрытием БМП, БТР или хотя бы МТЛБ. А у нас как то так повелось, что лейтенант Гареев и водитель Киргизов одни, сами справятся. Коллеги из других частей на «водопое» удивлялись, когда я им рассказывал, что каждый день, в пять утра, езжу по горным дорогам через Терский хребет без прикрытия. Видимо наш прямой шеф, зам по тылу полка п-п-к Волчков считал, что нам «татарским шайтанам» местные коллеги не страшны и засада на нас будет иметь печальные последствия для самой засады. Мой постоянный водитель Эдик, тоже татарин и тоже из Башкирии. Мы с Эдиком были молодые, почти ровесники и не верили в смерть, а перед выездом всегда говорили « Бисмилля рахмай рахим» и «Алла бирса!». Садись с ним в его ЗИЛ, вешали бронники на дверь и вперёд, сначала «лечебные грязи» по бампер, а потом в горы «на воздушные процедуры» подышать свежим утренним Кавказским воздухом. Сам чёрт нас не остановит

т.к. вода это самый главный элемент пищи, подвести полк и воюющие подразделения мы не могли.

Как то раз, случился такой случай. Выехали мы в Толстой —Юрт за водой. Нас еле ползущих по грязи на ЗИЛе к перевалу, обогнал один шустрый УРАЛ, не нашего полка. Мы удивились его резвости. Примерно минут через десять впереди прогремел взрыв. Нас тогда это совершенно не удивляло, взрывы и разрывы были кругом с утра до вечера и потому мы «без задней мысли» продолжили движение. Уже на хребте смотрим, стоит тот «шустрый» УРАЛ. Остановились, насторожились, приготовились к неожиданностям. Аккуратно обошли и осмотрели УРАЛ. Оказалось, он подорвался на mine, переднего правого колеса не было, в кабине никого не было, но и крови тоже не было. Мы негромко покричали в надежде, что кто-то откликнется, хорошенько осмотрели прилегающую местность но никого не нашли и никто не отозвался. Постояли минут двадцать и поехали дальше. По дороге в Горячеисточненское, мы также никого не догнали. Видимо водитель и старший, с перепугу ломонулись в лес и бегают по лесу.

Говоря о морально -психологической обстановке в роте, без ложной скромности замечу, что многие мои водители просили меня, командира роты и командование полка напрямую перевести их в мотострелки и отправить в передовые роты ведущие бои в Грозном. Даже пару своих бойцов пришлось снимать с БМП идущих в город на передовую. По-

ехали они «подвиги совершать» поймав «попутку» бросив свои автомобили. Что ж, поматерил я их по хорошему, но без перегибов и растолковал, что они совершенно не правы так как не подумали о том -" а кто же им «Героям освободителям» боеприпасы то привезёт на передовую на ихних грузовиках пока не прибудут новые водители из Самары?!.В общем ругаю их, а сам немного им завидую. Что им, они всего лишь солдаты, закипел адреналин закапал из ушей тостестерон, бросили автомобили и поехали «воевать». Как будто и ругать то не за что, ведь не в тыл же пацаны рвутся, а на передовую под пули. Если солдат и сержантов я как то отговаривал, объяснял, что брошенный ими автомобиль некому будет передислоцировать, некому будет возить ГСМ, боеприпасы и продукты. Но вот прапорщик нашей роты, Вадим Лозовский, в состоянии этого же «душевного порыва», всё таки сбежал в Грозный, уехав на «попутке» вместе со старшиной роты связи, бросив ротное хозяйство. Как водится в таких «непутёвых» случаях тут же был ранен в результате попадания выстрела из РПГ в ту «попутную» БМП и отправлен в госпиталь. Рота осталась без старшины. Какой великий подвиг прапорщик успел совершить пока ехал 30 минут в БМП к передовой? Это загадка.

Я тоже будучи молодым и дерзким, чувствовал дискомфорт от того, что не участвую непосредственно в боях, не совершаю ничего « стоящего», как мне тогда казалось. Я сам, в тайне от ротного, собрал вещь мешок патронов, гранат,

запасных магазинов и планировал «сорваться» ближайшим «дележансом» в Грозный для исполнения своего воинского подвига. Думал, что я не меньше других офицеров имею право на «подвиг» и хочу стать именно боевым офицером. Своевременная встреча с полковником Станкевичем осадил «души моей порывы», он доходчиво пояснил, что так офицерам поступать нельзя, не имеет право офицер руководствоваться эмоциями. Офицеру надлежит исполнять должностные обязанности в соответствии с должностью, а в нашей боевой ситуации ещё и в соответствии с боевым уставом. Кто за меня мою работу в РМО будет делать? Кто будет заниматься подвозом если все будут воевать? Чем тогда «все герои» будут воевать? В тот день до меня дошло, я понял, что успех полка как команды и слаженного механизма как раз и достигается тем, что каждый хорошо исполняет свои должностные обязанности на своём месте. Иначе это не армия, а стадо в котором все как «лебедь, рак и щука».

Бывали и крайне неприятные моменты. Как то вечером зашёл я в палатку к солдатам взвода подвоза имущества и обнаружил, что заместитель командира взвода, сержант Леонтьев очень сильно пьян. Такое иногда случалось т. к. водители, категория разъездная, постоянно выезжали за пределы Чечни, ездили и в Моздок и в Прохладное, имели возможность приобрести спиртное. Пока я разбирался с причинами, которые Леонтьев пояснял так – «меня не отправляют на передовую, а теперь в качестве наказания за пьянку может от-

правите!», подошёл командир этого взвода подвоза боеприпасов прапорщик Борис Бедарев. Как то так случилось, что наша ссора разгорелась сильнее и Леонтеев достал гранату и вырвал из неё чеку со словами – «Ща все тут останемся!». Замечу, что в палатке было ещё человек семь солдат.. Сначала мы его уговаривали отдать гранату. Он угрожал и отказывался это сделать. Тут уже проявил свой опыт бывшего разведчика Борис Бедарев. Он ловко схватил Леонтеева за кисть и как то хитро вырвал гранату так, что лапка от гранаты не отлетала и профессионально ударил Леонтеева в челюсть, что тот потерял сознание. Я вынул кольцо от гранаты из рук Леонтеева и мы с Борисом вставили его обратно в гранату. К утру отрезвев, Леонтеев извинился и более не позволял себе подобного.

Были и другие неприятные случайности оставшиеся в моей замполитовской памяти, например: сижу я в своей палатке, составляю списки личного состава роты для ознакомления с мерами безопасности при обращении с оружием. Сочиняю все мыслимые и почти фантастические варианты получения каких либо травм и ранений, записываю их в один из десяти столбцов в с списке личного состава. В палатку забегают, точнее спускается ефрейтор Попов и сообщает мне, что у нас ЧП, ранен солдат Мельников. Спросил, что случилось и где раненый? Попов пояснил-«Мельников сидит в своём Урале, кричит, что ногу прострелил, зовёт медика». Я тут же побежал к машине Мельникова. А там и правда, ра-

нение в ногу. Помог я ему слезть с машины и взяв его на руки и как девушку понёс на руках в санчасть. Как назло никого рядом не оказалось, грязюка по колено, скользко да и путь метров 200 не близок. Донёс я его успешно, слава аллаху были силы в молодости, по пути конечно же выяснил у потерпевшего обстоятельства происшествия. Оказывается Мельников, видимо, забыл придя с ночного караула разрядить автомат и поставить на предохранитель. По ночам на постах мы не запрещали досылать патрон в патронник. Каким то образом в ту секунду в цепи случайностей для Мельникова случилось короткое, но очень неприятное замыкание. Спускался он со ступеньки Урала, спешил в столовую на обед. Ложка торчащая из кармана зацепилась за спусковой крючок и автомат висевший на плече стволом вниз совершил выстрел – короткую очередь из двух патронов. А там, на пути у пары пуль оказалась подножка Урала с которой Мельников ещё не успел убрать ногу. Вот и случилась неожиданная встреча пуль, стопы и подножки Урала. Успешно пройдя через стопу солдата и подножку Урала, две пули близняшки 5,45 нырнули в Чеченскую грязь и скрылись там навека. Как обязательное последствие ЧП я провел разъяснительную беседу-занятие с личным составом роты и внес данный курьёзный случай с ложкой в меры безопасности при обращении с оружием.

В середине января меня отправили в дом печати в Грозный. Наши, какойто из наших батальонов, его только что от-

били у Дудаевцев. Там я повстречал своего бывшего танкового ротного, вчерашнего прямого командира, капитана Николая Косача, он в те дни исполнял обязанности ЗНШ одного из МСБ на период боёв. Невдалеке от нас, в одном из помещений Дома печати, какой то весёлый старшина роты выдавал зарплату своим солдатам деньгами обнаруженными в доме печати. Это были еще советские деньги с Лениным, распечатанные на листе размера А-1, но лишь с одной стороны, с другой стороны лист был чист. Псевдо деньги он резал ножницами и шутливо выдавал своим солдатам как зарплату. Рядом с домом печати расположено мед. училище и мы конечно осуществили экскурсию по его учебным классам заставленным всякими пробирками с зародышами и мутантами. За мед. Училищем видимо когда-то стояла какая-то воинская часть, её мы тоже с любопытством обследовали.

Во второй половине января, мы т.е. наша рота, медики и другие подразделения перебрались уже в сам Грозный, в частности на территорию Консервного завода. Где то не вдалеке от нашего нового места дислокации был « завод коньячный». Некоторые мои водители в связи с отсутствием воды или другой жидкости для мытья машин, мыли автомобили коньяком, вином и спиртом, пока там не выставили охрану от МВД.

В один из солнечных февральских дней меня с парой водителей и автомобилей назначили в подчинение подполковнику Захряпину, командиру танкового батальона, приданно-

го нашему полку. Задача стояла такая « собрать как можно больше тел или остатков тел погибших бойцов в центре города, вокруг зданий правительства, Президентского дворца». Одели мы защитные костюмы ОЗК (общевоинской защитный комплект), перчатки и поехали на эту траурную миссию. Подполковник Захряпин пытался найти один танк Т-80 или останки экипажа этого танка. Тот танк в новогоднюю ночь у дворца Дудаева разорвало в клочья от детонации всего боекомплекта. Мы с трудом нашли передний наклонный броневой лист с заводским номером, но больше ничего и ни каких солдат или останков. Он говорил:

– « от всех танков и экипажей хоть, что то да осталось. Как правило, хоть один член экипажа жив. Этот же экипаж, возможно, просто испарился в миг детонации боекомплекта. Нет никого и ничего, совершенно ничего. Даже от танка самого вот видишь лишь один небольшой кусок»

Везде валялись человеческие останки обглоданные собаками, кошками и крысами среди них попадались и останки поменьше т.е. детские. Конечности торчали из под руин, из обгорелой боевой и гражданской техники. Я велел солдатам собирать всех, за исключением откровенно гражданских. А как там их поймешь, если у многих одежда обгорела, кости обуглились или обглоданы животными. Как понять, чью обгорелую и оторванную ногу на моих глазах, таскает по улице и обглаживает собака? Даже пол по останкам не всегда можно было определить.

Ко мне обратился мой водитель Женя -« товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, отойдите в сторону!»». Я удивился и подумал не стою ли я на mine, такой он был взволнованный? -« Вы на человеке стоите!» – продолжил он.

Я отошел, присмотрелся и понял, что чьё то тело так сильно раскатано в грязи и закатано в асфальт, что я и правда имел неосторожность на нём стоять, не посмотрев под ноги.

К нам подошла бабушка, местный житель. Мы спросили-« как вы здесь живёте?». Она ответила -«голодаем- вышиваем как можем». Я ей пояснил, что на консервном заводе, в нашей полковой санчасти, организован приём больных горожан. Скажите всем кого увидите, пусть приходят, мед. помощь окажут всем желающим и продуктами помогут. В автомобилях бойцы всегда возили по несколько банок тушенки, хлебцы из сухпайков и т. п. еду. Женя отдал все продукты этой бабушке и она ушла.

Возвращаясь обратно на «базу» на консервный завод, мы почему то остановились около, я подумал кладбища. Там ходили невооруженные горожане, оттаскивали из куч тела, опознанных ими граждан. Экскаватором и бцльдозером захоранивали тех, кого никто не опознал и тех, кого в принципе уже опознать невозможно.

Перед выводом полка из Чечни «в связи с огромными потерями», в марте 1995 года, нас вывели на стоянку в тыл в станицу «Горячеисточненское». Там на какой то машин-

но-тракторной станции мы простояли около месяца, затем погрузились на платформы и в конце апреля уехали домой.

Отвлекаясь от темы, и с учётом теперешних моих знаний, моего личного участия, моего боевого и жизненного опыта отмечу, что у меня вызывает непонимание постоянные изречения» Псевдо патриотов России» о том, что вот такие гадкие, жестокие Чеченцы, воевали против нас, убивали наших парней и приводят примеры жестокости, типа Норд-Оста, Буденовска, Волгодонска, Бислана. Националисты говорят, что всех Чеченцев поголовн, заодно и лиц Кавказских национальностей, необходимо ненавидеть и уничтожать за убитых Российских солдат, мстить. Безусловно террористы подлежат уничтожению везде и всегда. Оправдания терроризму нет и не может быть. Но, я сам несколько лет был тем, кого могли убить в каждую секунду, отрезать голову и выпотрошить кишки. А ктонибудь, из этих «патриотов» подумал про ту страшнейшую жестокость которую совершило командование ВС РФ введя 31 декабря 1994 года войска в г. Грозный. Я имею ввиду жестокость в отношении мирного населения, проявленную не напрямую солдатами танкистами и пехотинцами вступившими в бой с Дудаевскими боевиками, а массовую гибель Грозненцев под авиа бомбами, снарядами, Градами и Ураганами? Ведь никто ни Грачёв ни Дудаев тогда не дали времени и возможности женщинам и детям покинуть город. Да и куда бы они его покинули зимой, если, к примеру, за городом нет родни и друзей? И я спрашиваю

этих, сердобольных «патриотов России», Вам когданибудь Российские СМИ доводили информацию о количестве случайно (под авиабомбами и снарядами) погибших в Грозном детей? Вам когданибудь по телевизору показывали улицы Грозного (как Сталинград) на которых валяются и обгладываются собаками и кошками трупы детей и женщин, торчащие из руин ноги, руки мирных граждан. Вы представляете себе конечности своих жен и детей торчащими из под руин многоэтажек Пензы, Челябинска или Самары? Никогда вам такого не показывали и не покажут, а если и покажут то так прокомментируют, что получится, что погибшие «сами виноваты». По принципу «кто не спрятался, я не виноват!». А может показывали «экскурсию» по братскому кладбищу (недалеко от консервного завода) размером с пару футбольных полей на котором в зимой 1995 года людей, то что от них осталось сотнями закапывали бульдозеры и экскаваторы. Простой обыватель и половины правды не знает, совершенно себе не представляет глубину трагедии и мучения жителей Чечни в те месяцы. Но я то всё это видел и участвовал в этом. Поэтому рассказывая о мужестве и героизме наших солдат, вспоминая о потерях наших войск и скорбя о них, я, никогда не забуду скорбеть и по мирным безвинно убиенным горожанам Грозного и всей Чечни. Да, раз уж Дудаев, как главнокомандующий, приказал своей орде стрелять по армии России, то эта орда, вне всякого сомнения, подлежала уничтожению. Но ведь Дудаев с сотоварищами

далеко не весь Чеченский народ. Любой человек, потерявший мирную мать, отца, сына, дочь, друга, невесту под нашими бомбами и снарядами вправе спросить – а их то за что? Они разве стреляли в Российских солдат? Они- то чем виноваты? Как их теперь вернуть, воскресить? Как вернуть отцу и матери смех погибшего от Российской бомбы ребёнка?

Чечня, мирное население Чечни, месть «получила авансом», первой, при том не за что. Мирные жители стали без вины виноватыми и заплатили своими жизнями за Дудаевский национализм и Басаевский терроризм. Тогда там было много Русских и других наций, но снаряды и бомбы в паспорт не заглядывают национальности не спрашивают. А потом уже пошли теракты на территории России. Хронология именно такая, а не наоборот. Разве были теракты в России до «Новогоднего штурма Грозного?», назовите где и в каком городе России, я таких не помню. Уверен, что было бы наиболее правильным, тогда в 1994 году зимой, ввести войска в равнинную часть Чечни, до Терского хребта и создать «буферную зону». При этом не атаковать, а отгородится финансово-экономической и военной непроницаемой стеной. Уверен, через некоторое время, сами здравомыслящие Чеченцы свергли бы Дудаевых, Масхадовых и Басаевых и добровольно остались бы в России. Терпения и мудрости Ельцину и Грачёву не хватило. А сколько такой вариант сохранил бы жизней и экономических ресурсов.

Та Чечня меня сильно изменила. Если, убывая в Чечню, я

думал о скором увольнении с военной службы, плоховато относился к ней, то вернулся я совершенно другим офицером. Друзья по раздолбайству меня не узнавали. Стали в шутку называть «Коммунистом» и т. п. я любил службу. Моя работа, моя теперешняя должность заместителя командира отдельного подразделения по воспитательной работе стала мне нравится. Я понял, что в армии моё место. А может, просто стал офицером. Не зря же офицеры говорят, что лейтенант это ещё не офицер, а «курсант пятого курса», (для училищ с четырьмя годами обучения).

Я так и остался в РМО нашего полка в должности зама по воспитательной работе. Начал собирать документы на получение квартиры для получения её в последнем сдающемся в городке доме. Как сейчас помню мудрейшие слова, сказанные мне на совещании в ноябре 1994 года до Чечни, в период моего желания уволиться, полковником Ярославцевым – «Лейтенант, ты собери документы и получи квартиру. Если потом, решишь уволиться, то сдашь её и уедешь домой!». Я тогда его не послушал и по возвращении из Чечни «покусал локти!», ведь теперь я решил, что останусь служить в ВС РФ в своём, теперь уже истинно родном полку и мне вдруг захотелось иметь здесь жильё. Сейчас и сам не понимаю, что мне мешало исполнить свой план и имея отметку «об участии» уволиться на гражданку?

Получив квартиру, привезя семью в неё, я через годик стал как то скучать по боевой обстановке и уставать от мир-

ной армейской жизни. Надоели построения, хоровые пения всем полком, строевые смотры, бумаготворчество, ежедневные двухчасовые совещания до 22.00 и другая сопутствующая бессмыслица резко опрокидывавшая принцип Суворова – «Учить солдат тому, что нужно на войне!». И потому при случайном обращении ко мне того же майора Михайлова – «Ильшат, разрядка в Чечню пришла, не хочешь поехать? Там теперь спокойно.» Я, ни секунды не задумываясь, согласился, потому, что «подъустал» от скуки и мирной военной рутины больше напоминающей бег на месте. Шёл апрель 1996 года и территория республики уже была под полным, как писали газеты, контролем федеральных сил и эта командировка не обещала каких либо кровавых событий. А что нам замам. по воспитательной, молодым, подающим надежды, старшим лейтенантам? Воспитывай, да воспитывай прапорщиков и солдат и сержантов. Рассказывай бойцам истории про подвиги дедов в ВОВ, про подвиги солдат и офицеров 81 МСП в «первую Чеченскую», борись с «дедовщиной» и «землячеством». Но я опять не угадал!

Чечня 2
506 МСП
7 рота

Собрали нас, офицеров и прапорщиков со всего округа в штабе ПУРВО в Самаре и проинструктировав отправили

поездом до Моздока. От Моздока до расположения полка в Чечне нас доставили вертолётom и я оказался в полевом лагере 506 МСП близ села Элистанжи Веденского района Чечни. В штабе полка меня назначили заместителем командира по воспитательной работе в 7 МСР третьего МСБ.

Прибыв в расположение роты, т.е. её командный штабной блиндаж, я познакомился с командиром роты капитаном Котовым Сергеем и с его бывшим, убывающим домой, замом по ВР. Он, мой коллега-предшественник, оставил мне свою «разгрузку» сделанную из танкового плав жилета и стальной бронированной пластиной от какого то бронежилета в спинной его части. Спереди, как принято считать, грудь и живот мне должны были защитить 8 магазинов АКС -74 вертикально вставляемые в карманы в два ряда. Она сослужила мне добрую и долгую службу.

Офицерский коллектив был хороший, работоспособный исполнительный и дружелюбный. Три взводных, лейтенанты с гражданских ВУЗов «пиджаки» Сергей ком 1 МСВ, Андрей позывной Акула – ком 2 МСВ и Володя Лунегов, ком 3 МСВ. Все без исключения солдаты были срочники за исключением одного солдата контрактника. Серега Котов, несмотря на полевые условия, всегда чист, выбрит, всегда в начищенных кирзовых, именно в обычных солдатских кирзовых сапогах и в камуфляже десантного покроя. Того же в плане чистоты и опрятности требовал и от подчинённых.

Рота занимала позиции в юго-восточной части района

обороны полка, в лесисто холмистой местности с пологим оврагом между взводами и отделениями. По утрам были слышны кукареканья петухов и мычания коров в Элистанжи. До самого села, напрямую через лес, было не больше километра. Вся территория вокруг, ротного опорного пункта была густо заминирована саперами и нашими пехотинцами так, что более 10 метров в лес от окопов отходить было крайне опасно для здоровья. Окопы на всех позициях были оборудованы хорошо, укреплены плетенкой из лозы. Офицеры и солдаты жили в блиндажах. В общем, место расположения роты было обжитое, позиции пристреленные, с боевиками очередное длительное «перемирие». Поговаривали, что сам Басаев периодически заезжает в штаб полка для каких то встреч и бесед с командованием. Проживал он тогда открыто в своём дворце в родном ему Ведено, что находилось от нас километрах в 10—15. Местные боевики в те дни имели почти официальный статус ополчения и местной милиции. Вооружались, получали боеприпасы и аммуницию с тех же складов и пунктов обеспечения что и федеральные войска. Нашим блокпостам было запрещено досматривать на дорогах автомобили перевозящие «ополченцев» вот такая вот Ельцинско -Березовская интерпритация на наведение конституционного порядка в Чечне.

Не скрою, что в первое время я с трудом понимал, как Сергей справляется с управлением таким сложным и как мне показалось, разнообразно вооруженным, подразделени-

ем как мотострелковая рота. Как управлять танковой или автомобильной ротой я представлял по личному опыту. А вот пехота, это же просто разношерстный кошмар, как мне сначала казалось. Если в танковом подразделении танки, члены экипажей, пушки и пулемёты в общем то составляли небольшое количество наименований, то тут разброс вооружения, калибров, моделей и специфики в разы больше. Да ещё и разновидность боеприпасов к ним. Например, патроны 7, 62 мм от пулемета ПКМ и ПКТ, внешне и по размеру точно такие же, как у снайперской винтовки СВД, но не снайперские и надо брать патроны с другой маркировкой. А офицеры подразделений обязаны в совершенстве знать и владеть всем комплексом вооружения подразделения! Как курсанты мотострелковых военных училищ за четыре года такой комплекс вооружения осваивают, это парадокс Российской армии. Так водить БМП и стрелять из её пушки я толком и не научился. После рычагов танка, штурвал и переключение передач как в Американских автомобилях, на руле, было непривычным. Ужаснуло и состояние оружия солдат. У СВДэшек, что было видно невооруженным глазом, прицелы смотрели совсем не туда, куда смотрели стволы. Автоматы, пулемёты и гранатомёты хоть и чищенные внутри, но внешне облезлые и ржавые, от постоянного нахождения под снегом и дождём. Внешний вид оружия вызывал беспокойство в его работоспособности. Несколько пушек БМП вовсе не функциональны, не крутятся, заклинило приводы

или просто не стреляют ввиду неисправностей. Ночные прицелы, приборы ЛПР, РПО «шмели», радики командиров отделений «слухачи», как всем этим пользоваться и уследить за этим огромным комплексом вооружений и технических средств? Примерно месяц я «врубался» в разномастицу вооружений, в которой пехотные офицеры чётко ориентировались как «рыба в воде».

Самое запоминающееся из того «стояния» в полевом лагере полка, это огневые тренировки совместно с минометчиками. Это были шоу, больше боялись не за результат и оценки, а чтобы у минометчиков мина не улетела вертикально вверх естественно с возвратом в исходную точку отправления. Корректировка ими огня, это «особая часть» боевого устава артиллерии, ноу хау офицеров «пиджаков». «Первый, первый, я третий, чутарик назад!», «Первый первый, я второй – Дэцл левее!». Оно и логично, в те девяностые годы сокращали военные артиллерийские училища, да и в целом престиж армии был низок, вот и не хватало в боевых частях профессиональных офицеров. К тому же многие профессионалы, командиры взводов, лейтенанты, погибли уже в начале войны. В нашей роте из профессионалов был ротный Серега, я, прапорщик старшина и техник роты тоже прапор. Все три командира взвода были с гражданки, «пиджаки». В минометных взводах и батареях картина по кадрам была точно такая же, вот эти «кадры» и использовали свою особую систему корректировки огня минометов. Как то, Сергей спросил

у командира минометной батареи «Колюня, как то вы по новому и с фантазией корректируете огонь батареи? Интересные у вас единицы измерения. А сколько чутариков в одном Дэцеле?» Долго смеялись не дожидаясь ответа. А потом он сказал —« Я их единицы измерения Дэцелы и Чутарики уже по тону голоса определяю, так сказать, на уровне прямого чтения мысли, зато боевики никогда не поймут нашу кодировку!». Это он правильно подметил. Но всё же по результатам попаданий, эти Дэцелы и Чутарики уже хорошо понимали друг друга используя свои «пиджаковые» единицы измерения и даже сила Кореолеса им никак не мешала попадать в цель.

Опорный пункт на поляне ПТУР

Прошёл уже 22 год и не всё сейчас вспомнишь, многие нюансы и интересные моменты забыты.

В начале лета получили мы приказ на занятие позиций и оборудование ротного опорного пункта на красивейшей полянке в горах, километрах в трёх, южнее и выше района обороны полка, так же недалеко от Элистанжи. Оттуда хорошо просматривались позиции артдивизиона полка и была хорошая полевая дорога уходящая в Элистанжи. Это стало необходимым в связи с тем, что с этой «волшебной» поляны, боевики производили стрельбу из ПТУР по нашим позици-

ям. И на тот день пару САУ арт дивизиона полка, были уничтожены именно выстрелами ПТУР с той полянки.

В дальней и верхней части поляны, мы обнаружили, пару полуразрушенных авиабомбами блиндажей боевиков. Оборудованных достаточно хорошо, с крышей из брёвен в три наката. Но упавшие рядом с ними авиабомбы завалили, обрушили их наполовину и сделали непригодными к использованию. В первые дни пешие передвижения по поляне, а теперь уже ротному опорному пункту, усложнялась тем, что на ней лежало много проводов от стреляных ПТУР, которые будучи тонкими и незаметными путались на ноги. Если ночью пойдёшь, то падая и путаясь в лежащей как казалось повсюду проводах, весь изматеришься, перебудишь всех мирно и крепко спящих часовых, перепугаешь всех местных птиц в итоге, придя к часовому, не застанешь его мирно спящим на бруствере своего окопа. Больше всего опасались не открытого нападения боевиков, у меня некоторые солдаты уже по 8 месяцев в Чечне провоевали и были хорошо обстрелянными воинами, а того, что «враги» ночью тихо подкрадутся к спящим часовым и вырежут их, а блиндажи с личным составом просто забросают гранатами. Днём конечно же тоже выставляли караульных наблюдателей, но раза в два меньше чем ночью. Саперная рота полка, уже в первый же день нашего здесь нахождения, обложила нас минными полями по периметру. Я составил схему минных полей, совместно с саперами и под роспись довёл всем солдатам, где, у како-

го дерева, кочки или пенька установлены ОЗМки и МОНки. ОЗМ самая страшная из мин. Стоит на растяжке. При натягивании проволоки и вылезании чеки мина выпрыгивает из под земли на метр и взрывается в воздухе. Внутри шесть килограмм тротила и рубленых шайб, болтов и проволоки. Просто смертельная смерть эта мина.

Невдалеке от наших позиций, в сторону Элистанжи, в лесу в одно и то-же время вечером, горели огни автомобильных фар. По звуку мотора то был ГАЗ-66. Ротный Серега объяснил, это уже посты наблюдения боевиков и у них там, по ихнему вахабитскому графику, происходит смена вахабитского караула. Нам, для усиления огневой мощи, был придан автоматический 82 мм миномёт «Василёк» установленный на МТЛБ. Я и лейтенант миномётчик Володя, просили у ротного и комбата разрешение на «пострелять по светлячкам», но они не разрешали т.к. было перемирие и даже боевики назывались не боевиками а народной, блин местной милицией.

Чем занимаются солдаты на новых позициях, в то время, когда нет прямого огневого соприкосновения с противником? Копают окопы, несут караульную службу, едят, спят и опять копают. Так вручную, тяжелым солдатским трудом и возникают замечательные позиции, доты, траншеи «в полный рост», стрелковые ячейки, запасные огневые позиции, окопы для БМП, блиндажи. Через недельку после прибытия мотострелковой роты на новый опорный пункт все пе-

ремещения внутри «опорника» осуществляются по траншеям вырытым в полный рост и соединяющим почти все огневые точки и позиции БМП роты. Всё это делают солдаты лопатами, топорами, кирками в промежутках между отдыхом и несением боевого дежурства. В зоне вооруженного конфликта простому солдату физически очень нелегко. Сначала солдат копает себе стрелковую ячейку для стрельбы лёжа, потом углубляется для стрельбы с колена, потом для стрельбы стоя. После чего соединяет свою ячейку траншеей с соседом и это делается в масштабе сначала отделения, потом взвода, а потом и всего опорного пункта роты. А ещё надо оборудовать, откопать, запасные огневые позиции. При этом в то же время надо оборудовать «перекрытую щель» на 2 или 4 человека, как правило, около огневой позиции отделения или у БМП, т.к. в конце каждого дня неизбежно наступает ночь, а ночью спать под открытым Кавказским небом, не самое приятное дело. Ночь может случиться дождливая, холодная. В горах разница между дневной и ночной температурой существенная. Днём может жарить более плюс 35, ночью плюс 10. Днём не знаешь где спрятаться от знойной, звенящей жары. Ночью вне блиндажа одеваешь зимний бушлат, в блиндаже закутываешься в ватное одеало чтобы не замерзнуть. Чтобы обсохнуть, просушить обувь и одежду после окончания дежурства на посту под дождём, блиндаж с растопленной «буржуйкой» просто не имеет альтернативы. Также на солдат ложится нагрузка и по отрывке

КНП роты- т.е. нашего с ротным блиндажа, штаба, канцелярии в одном помещении. В общем, все это « изменение ландшафта вручную» происходит в авральном, круглосуточном режиме, почти без отдыха на пределе физических и моральных сил. Никто же наперёд не знает, что там задумал и когда нападёт противник, а к нападению мы должны быть готовы ежесекундно. При этом нет никакой гарантии, что по сооружению замечательного опорного пункта роты, предназначенного для круговой обороны, получится отоспаться и отдохнуть. Просто, напросто может поступить приказ о перемещении на другие позиции и всё строительство, выражаясь военным языком инженерное оборудование позиций на новом месте начнётся с нуля. А если он, солдат, ещё и «молодой»«дух», то это двойная нагрузка и за себя и за того «деда», если я как зам. по воспитательной, взводные или ротный не уследили за «дедами». А в пехоте это очень не просто тем более с офицерами « пиджаками» которых солдаты порой неохотно слушают осознавая, что те офицеры тоже всего лишь такие же призывники проходящие срочную службу хоть и на офицерских должностях.

После того как позиции оборудованы, по полному « профилю» боевого устава, наступает период спокойного, размеренного несения службы и достаточного отдыха.

В связи с постоянными сменами позиций и оборудованием новых щелей и блиндажей особую ценность приобретали такие материалы как шифер, брезент, доски, профнастил.

Их приволакивали из разрушенных сараев, ферм и т. п. Хороший кусок шифера или большой лист железа, без дыр и трещин очень высоко ценился и считался «пределом мечтаний» для крыши блиндажа или перекрытой щели, такие непромокаемые «норы» считались, почти что жильём класса «люкс». Если в блиндаже есть настоящая буржуйка, а не самодельная отопительная система, то это уже тянет как минимум на четыре «звезды», почти Хилтон.

Период спокойствия и отдыха это конечно мягковато сказано. После окончания инженерного оборудования позиций. В связи с наличием большого количества свободного времени, солдаты даже в лесу вдали от населённых пунктов проявляли смекалку и находчивость. Помню как сержант, зам. командира первого взвода, Васильев, качёк, установил, прямо посреди опорного пункта, по центру нашей живописной поляны турник. И мы, офицеры и многие солдаты не стеснясь с удовольствием занимались на нём.

Единственным источником офицерского культурного досуга, был мой маленький, китайский кассетный магнитофончик. К нему из дома я привёз более 10 кассет с записями своих любимых артистов и групп. Естественными для тех лет для меня были Модерн Толкин, В. Цой, Мираж и другая попса, которая и крутилась поочередно по кругу. Книг было очень мало, газеты доходили долго и редко, так что было порою скучновато.

Главным же развлечением, отвлекающим и заставляю-

щим работать голову, что у солдат, что у офицеров конечно же были карты. Нет не карты местности, а игральные карты.

Были и фантазёры в антиспортивную сторону. Как то сидим, обедаем, а по окопу в сторону позиций Васильева идет сержант Александров, тоже чуваш по национальности.

Я говорю ротному :

– « Сергей, чует моё сердце, два чувашина, где то надыбали сахарку, дрожжей, замутили брагу на основе каких нибудь местных почек и целебных трав в РДВешке и видимо сегодня праздник « замутнения разума» в первом взводе вечером случится».

Серега как то так удивился моему предсказанию и спросил меня – « Откуда предположение?»

.Я тут же окрикнул Александрова и спросил его:

– «Анатолий у тебя когда день рождения?»

Тут всё и прояснилось, стала ясна причина суеты Толика. Оказалось, что у него сегодня «днюха». Мы с ротным и командирами взводов его тут же поздравили, сделали какой то подарок, из того что было так сказать. В общем, постарались, как могли создать для него праздничную атмосферу. А вечером они, естественно, в тайне и нарушая воинскую дисциплину употребили своё зелье, на чём тут же попались. Конечно же они были нами наказаны, но следующим утром за употребление спиртных напитков на срочной службе да ещё и на боевых позициях. Самыми «сладкими» солдатски-

ми байками тех времен были сплетни о том, что вот вот, уже со следующей недели солдатам боевых подразделений начнут выдавать по 100 грам «наркомовских». Но этого конечно же не случилось.

Так же я практиковал спортивные мероприятия бег с полной выкладкой. Конечно, солдаты спуски бегом и подъёмы в гору также бегом называли между собой «фашизмом» и издевательством замполита, люто меня ругали между собой за мою спортивность и требовательность к физической подготовке. Но я преследовал целью повышение их выносливости и физической силы на случай боевых действий. Мало того я и сам во главе «физкультурников» в такой же экипировке, в полной выкладке, с оружием, впереди роты, бегал увлекая за собой личным примером. А как иначе кроме тренировок можно подготовить молодого человека, солдата «не умирать» от потери сил при быстром перемещении по горам в бою? Я иного способа не знал тогда и сейчас не знаю. Вот тут то нам, после спортивных занятий очень сильно пригодились, воронки от авиа бомб на нашей поляне. Глубиной они были метра полтора, в них собиралась и долго держалась дождевая вода. Мы брали вёдра, раздевались до гола и поливая себя из котелков мылись, хоть и не очень уж чистой, но тёплой водой. Воду то нам привозили только для еды, питья и почистить зубы. До реки Элистанжи спускаться далеко, да и вода в ней ледяная., вот и выкручивались как могли. Как то раз перед очередным «марш-броском» я взял

чей то солдатский автомат и почувствовал, что в магазине этого автомата не 30 патронов а не более трёх. Отстегнул я магазин и так оно и оказалось, там было именно три патрона. Я понял, что солдаты перед марш броском пытаются облегчить свою ношу. Разряжают магазины, вынимают бронепластины из бронежилетов. Пришлось проверить и всех остальных. Тому, что многие «облегчились» я уже не удивился. Удивился тому, что я беря их автоматы в руку, по весу автомата легко определял сколько патронов в магазине автомата. Из пяти проверенных автоматов ни разу ни на один патрон не ошибся. Это объяснялось тем, что автомат приходилось всегда и везде носить с собой, даже в столовую и в туалет., вот рука и «набилась».

Как то звездной и ясной ночью в часы дежурства Володи, метрах в ста от наших крайних восточных окопов прогремел сильнейший взрыв. Я выскочил из блиндажа в трусах и сапогах, накинул на бегу разгрузку, приготовился к бою. С просоня иначе ничего и не сделаешь, только так вылетаешь из блиндажа пульей. А заняв позицию включаешь мозг. Тут же, как по тревоге попросыпались, повыбегали и заняли позиции все солдаты и офицеры опорного пункта. Никто ничего не поймёт, никто и не нападает. Но взрыв то был. Подходит ротный и говорит:

– « ОЗМка на минном поле взорвалась, то ли боевики чего то хотели, толи зверь какой ходит, на всякий пожарный посидим по полной боевой до рассвета, разберёмся утром,

что там за нарушитель границы, а уж даст бог так днём выспимся.» За те несколько минут, что я был в окопе» в цветастых труселях» комары высосали из меня не меньше стакана крови. При реальном нападении боевиков к утру я мог умереть не от ранений, а от потери высосанной из меня комарами крови.

Утром взводный «Акула», он же Андрей, и пара солдат выдвинулись на разведку. Сходили и вернулись грустные, но не встревоженные. Андрей и говорит мне :

– «Там Михайло Потапыч на mine подорвался, видимо позвоночник перебило, сидит, ноет, даже ползти не может».

Вот я и опешил, думаю, откуда Андрей нашёл тут местных жителей да ещё с Русскими именами? Оказалось он говорит про медведя.

Пошли к ротному за советом, подумали и решили «добить» «Потапыча» чтобы не мучился.

Добили из ПКМ (пулемёт калашникова модернизированный) и приволокли в расположение. Кто то из бойцов Сибиряков сказал, что мясо медведя очень вкусное и помогает от многих болезней. Не запретишь же солдатам, питающимся абы как, хоть так разнообразить своё меню. Когда они его освежевали, т.е. сняли шкуру, я подошёл. Я до этого не видел освежеванного медведя и был удивлён тому, как он похож на человека, словно только кожу сняли, только мышцы раз в десять толще человеческих. Я не стал, не смог есть жаренное медвежье мясо, побрезговал.

Так вот день ото дня проходили и текли. Как то устроили мы послеобеденный тихий час с ротным, только прилег-ли и «бабах», сильнейший взрыв невдалеке. Крыша штабно-го блиндажа от взрывной волны чуть не обрушилась к нам на головы. Выбегаем из блиндажа, понимаем, что в райо-не кухни, что то случилось, Прибежали, а там наш солдат повар, ломится шатаясь контуженный из леса, а вокруг его ног обмотана проволока от ОЗМ. Оказалось это не самое страшное. За ним шёл второй солдат повар и тоже, явно контуженный, но у него из горла из сонной артерии, кровь брызгала фотаном мощной пульсирующей струёй на пару метров. Мы его подхватили, ротный Сергей пытался зажать пальцами и ладонью фонтан крови, бьющий из сонной арте-рии, но это мало помогало. Прибежал Миша Осетров, сан-инструктор роты, начал перевязывать, наложил жгут «хит-рым способом». Но всё уже было предрешено свыше. Парень на глазах погибал, бледнел, посерел, изо рта пошла пе-на, но мы ничего не могли сделать. Я сразу же по рации, со-общил в штаб и вызвал медиков. В общем, не довели парня даже до полевого лагеря полка, не спасли. Второй, что с ним был, не ранен, лишь слегка контужен. Потом он рассказал, как пошли они в лес за дровами для кухни, чтобы пригото-вить ужин. Про то, что там недалеко мины, недавно установ-ленные саперами, забыли. Вот так вот и случались, боевые, но не боевые, потери среди солдат и даже офицеров.

В то лето погода была коварная и неприятная. То пару

недель несусветная жара, то ливневые дожди на тот же период. В одну из таких дождливых ночей, Серега среди ночи выкрикивает команду «Покинуть блиндаж!!!». Я и вскочил не успев даже откинуть одеяло, а точнее с ним на ногах, автомат в руках. И тут плавно и не спеша съезжает к нам в блиндаж крыша, а именно бревна крыши нашего блиндажа. Ночь, дождь, траншея, мы в трусах и с автоматами с одеялами на ногах, по колено в грязи, сверху ливень – картина Репина да и только. Серёга и говорит-

– «Всё замполит мы теперь бомжи» – сказал Серёга и держа в руках сапоги и форму пошёл досыпать в десантное отделение БМП отделения управления. Я тоже нашёл себе временный ночлег в одной из БМП роты.

После нашего достаточно длительного «служения» на той симпатичной горной поляне, нас перекинули для обеспечения демонстрации флага и контроля населенного пункта Беной, того же Веденского района. Там простояли в пустующих домах оставленных местными жителями, спали на кроватях как люди. Осуществляли функции «блок-поста», проверяли пассажиров проезжающих автобусов на наличие оружия. В общем можно сказать пару недель прожили, послужили в более менее приличных, комфортных условиях.

Рейдовый отряд

Рейдовый отряд, как писали в тогдашних газетах ярко вы-

раженное" топтание слона в посудной лавке». И правда с тактической точки зрения это было бессмысленное сожжение солярки, потери личного состава на оставленных давным дано неизвестно кем минных полях, бессмысленный риск попаданий в засады и банального травматизма.. Рейдовым отрядом называли этакую огне-бронегруппу в которую входили пара мотострелковых рот, развед рота, 10—12 танков, до 10 САУ, миномётная батарея, взвод связи, саперы, химики.... Начали марш как водится с утра из пункта временной дислокации полка расположенного западнее села Элистанжи Веденского района. Думаю, случилось это действо числа 20 июля. Наша рота в таких случаях всегда назначалась «развед отрядом полка» и двигалась вслед за разведчиками как правило на удалении зрительной связи и поддержки огнём. Хотя в той местности это очень редко получалось. Я имею ввиду зрительную связь, слишком извилистые горные дороги, пересечённая местность. А уж о поддержке огнём и вовсе в тех лесистых горах говорить сложно. Объехали Элистанжи с Юга. Наша рота получила задачу оборудовать опорный пункт на высоте в непосредственной близости от домов юго-западнее села, метрах в 150 от ближайшего огорода. Оборудуя опорный пункт и неся службу по «недопущению» мы простояли, проокапывались в поте лица дня четыре. Так же как и везде были и весёлые моменты. Забрела к нам в опорный пункт местная корова. Решили мы втихаря, её поймать и подоить. Какой там, такая шустрая оказалась, что всей ро-

той не смогли поймать. А через четыре дня, по приказу, собравшись в колонну, двинулись дальше в составе «рейдового отряда» полка. Проехав через населённый пункт и для себя заметив, что в селе мужчины есть и вроде как без оружия, переехали речку одноименным названием Элистанжи и поднялись по серпантинистой дороге на плато-платогорье восточнее села.

Фугасы на пункте заправки ГСМ

Первый, стоящий внимания эпизод, случился в тот момент, когда был развернут полковой полевой пункт заправки техники. Он представлял из себя 6—7 топливозаправщиков стоящих на ровном участке дороги для заправки подъезжающей к ним техники. Наша рота получила задачу занять оборону, прикрывая справа, восточнее, по ходу движения место заправки колонны и не допустить внезапного нападения боевиков на пункт заправки. В тот момент когда механик водитель БМП командира роты, по прозвищу «Дэцл», маленький смуглый как цыган шустрый Татарчонок, разворачивал машину для установки в какое то естественное углубление на местности, с катков БМП чуть не слетела гусеница. Ротный, капитан Котов дал команду Дэцелу прекратить манёвр и прибыть к нему. Ротный был зол на Дэцела за слишком опасный разворот на месте грозящий «разуванием» гусянки. Дэцл подбежал, но от ругани ротного попя-

тился назад и ноги его запутались в проводах скрытно лежащих в приличной высоты траве и аккуратно присыпанных. Провода были обычные, военные телефонные, часть из них намоталась на гусеницы его БМП. Подозрение вызвало направление продолжения этих проводов. Пройдя по ним метров 50—70 в сторону от «пункта заправки» в кустах мы обнаружили свежую «лёжку». Вызвали саперов. Саперы вернулись по проводам к дороге и практически прямо под нашими бензовозами обнаружили 9 фугасов зарытых под дорогой. Т.е. получилось так, что Дэйл своим неосторожным, грубым разворотом за который он получил подзатыльник от ротного, просто напросто спас нас, заправочную группу и думаю добрую половину личного состава и техники входящей в состав «рейдового отряда». Кто сдал боевикам место и время заправки так и осталось загадкой. Но наши злоключения на этом не закончились. Оказывается по планам великих армейских стратегов мы должны были стать лагерем, видимо для контроля дороги Ведено-Элистанжи. Части моей роты во главе со мной досталась участь «блок-поста» стоящего на середине серпантинистого подъёма дороги от реки Элистанжи на то злополучное плато, прямо на обочине дороги.. Разместив бронетехнику мои бойцы из камней соорудили, что то похожее на каменную палатку с крышей из брезента. Натянули сверху кусок брезента и выкопав туалет, тем самым как то обустроили свой быт. Это я сейчас понимаю, что одного выстрела из гранатомёта хватило бы, чтобы по-

убивать нас в нашем хиленьком убежище. Но в связи с сильной каменистостью местности, вырыть блиндаж не представлялось возможным. То, что очень сильно запомнилось из тех дней это голод, да именно и буквально голод. Почему то продуктов роте явно не добавляли. Мы как могли растягивали выданное и получалось так, что тарелка супа состояла из стакана кипячёной воды, пары глаз кильки, пары вермишелин и дольки картофеля. Именно так буквально выглядела тарелка супа. Каши были более жидкие чем сама вода на которой они приготовлены. Никогда на войне меня так плохо не кормили, ни до этого рейдового отряда ни после.. Я офицер, заместитель командира роты по воспитательной работе, старший лейтенант, съев свой обед, тут же страстно начинал мечтать о более, как я надеялся, сытным ужине и вообще о нормальной еде. Мы ели всегда с одного котла со своими солдатами и потому знаю точно, что и мои бойцы чувствовали то же самое, хотя я не «косая сажень в плечах», а роста 168 и веса 60 кг. Но парни, что покрупнееи поздоровее меня, вовсе страшно голодали. Это в боевой то обстановке. В те же дни к нам в роту перевели из взвода химзащиты полка сержанта Гордеева Романа. Его перевели к нам из химвзвода полка в качестве наказания за нежелание послушаться и горделивый упрямый характер. Все в полку знали, что 7 МСР это такой внегласный «дисбат» полка т.к Серега Котов очень строгий и требовательный командир роты, да и я его зам. по воспитательной от него по уровню убеждения,

принуждения и воспитания не отстаю. Он, сержант Роман Гордеев, мне первоначально сильно не понравился. Норовистый, наглый, да ещё и здоровый. Назначили его заместителем командира 2 взвода к Андрею «Акуле», дали в руки ПКМ по причине его «здоровенности» и в помощники Сергея Ивонина, чтобы короба к ПКМ и запасной ствол носил. Хотя Сергей и сам был пулеметчиком РПК. Мы с Романом пришли к взаимопониманию лишь во время последующих боёв в Грозном на основе взаимоуважения возникшего в боях. В мирной, если так назвать службе «дед» и грубиян, в боевой обстановке в непосредственном бою оказался смельчаком и сорви головой, героическим парнем. Хотя та часть роты, которую мы потом с ротным взяли с собой в Грозный вся состояла из таких отважных парней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.